

«Созидательный конфликт» или «подвешенность»: темная сторона профессиональной дискommunikации в архитектурно-строительной деятельности

Владимир Ротбергер

В чем суть?

Эта работа – часть диссертации, посвященной исследованию процессов дискommunikации в архитектурно-строительной деятельности, которую я пишу, обучаясь в магистратуре «Концептуальная урбанистика» в Тюменском государственном университете. Она автоэтнографична – по своей первой и основной профессии я архитектор и собрал материал для этой статьи, осуществляя архитектурный надзор на одном из строительных объектов. Из арсенала методов, используемых в городских исследованиях, я предпочитаю опираться прежде всего на методы социальной антропологии.

Первым побудительным мотивом обращения к указанной теме был относительный дефицит исследований в области профессиональной антропологии архитектуры и строительства. Мне бы хотелось как антропологу этнографически описать закрытую для посторонних профессиональную среду, хорошо известную мне как архитектору. Я намереваюсь сделать это через столкновение двух взаимосвязанных подразделений этого мира: мира «офиса», то есть архитектурной и ор-

Ротбергер Владимир Дмитриевич, архитектор, магистрант программы «Концептуальная урбанистика», Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ); Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: captainvova@inbox.ru

Антропология профессий, в том числе в сфере строительства и девелопмента, не получает заслуженного внимания со стороны отечественных исследователей. Архитектура и строительство – важная для города отрасль, где ключевым для антрополога становится вопрос: «Кто и как формирует наши города?». Данная работа, описывающая рабочее взаимодействие специалистов архитектурно-строительной индустрии, является приглашением к дальнейшему изучению этой малоисследованной профессиональной среды.

В статье представлен анализ автоэтнографического исследования процессов профессиональной дискommunikации в архитектурно-строительной деятельности на основе полевого материала, собранного в процессе осуществления архитектурного надзора на одной из строек города Тюмени. На примере строительства мокапа – полноразмерного макета одного из фрагментов здания, – обсуждаются сбои в профессиональной коммуникации между архитекторами и строителями, создающие препятствия для достижения нужного результата. Описывая историю сложного профессионального процесса, автор переосмысляет характерный для антропологии архитектурной и строительной профессий сюжет преодолевающего конфликта «созидательного сотворчества», делая особый акцент на «темной стороне» профессиональной дискommunikации.

В работе исследуются эмоциональные аспекты профессиональной деятельности архитектора: ожидание восприятия и оценки его труда, сложности коммуникации между специалистами разных профессиональных сфер. Особое внимание уделяется феномену «подвешенности» – эмоциональному переживанию незавершенности проекта и неопределенности его перспектив. Анализируются причины возникновения этого состояния через призму различающихся профессиональных сценариев и экономических мотиваций участников строительного процесса, а также присущего отрасли культуры профессионального конфликта.

Ключевые слова: дискommunikация; недопонимание; архитектор; строитель; проект; мокап; антропология

ганизационной работы, подготавливающей проекты сооружений, и мира строителей, воплощающих эти проекты в материальное. Все описанные в тексте процессы происходят одновременно и в быстром темпе, не могут быть сведены к раз и навсегда прописанным протоколам индустриального производства, требуют учета постоянно меняющихся условий и постоянных творческих решений. Процессы коммуникации (а следовательно, и дискоммуникации) являются ключевым фактором успеха дела.

«Созидательный конфликт» в антропологии профессий

Моя работа относится к области антропологии профессий (occupational anthropology). Приступая к очерку наиболее важных для этой работы идей моих предшественников, поделюсь несколькими контринтуитивными наблюдениями. Несмотря на фундаментальную роль архитектуры и строительства для современной экономики, профессиональные процессы, происходящие в этих отраслях, стали объектом антропологических исследований относительно недавно, в 1970–1990-х годах, и количество таких исследований до сих пор остается ограниченным. Вероятно, это связано с закрытостью этого поля: авторы первых классических трудов по антропологии строительства и архитектуры имели практический опыт в этих отраслях, то есть стали антропологами, сначала поработав строителями и архитекторами.

В какой-то степени я также пытаюсь повторить этот путь.

Назовем несколько наиболее показательных книг. Основополагающим трудом по антропологии строительной индустрии является книга Герберта Эппельбаума «Королевский Синий: Культура строителей (примеры культурной антропологии)» [Applebaum, 1981]. Эппельбаум, работавший директором крупной строительной фирмы, описал устройство индустрии «изнутри», с точки зрения профессиональной «культуры» строителей, отличающей поведение профессиональных строителей от представителей других профессий. Его книга, открывавшаяся впечатляющим описанием коллективной работы всей строительной площадки над заливкой бетонного основания индустриального объекта, была гимном во славу способности представителей этой отрасли к сотрудничеству.

Первым трудом, посвященным антропологии архитекторов, является сборник под редакцией Рассела Эллис и Даны Кафф [Ellis, Cuff, 1989]. В отличие от Эппельбаума, говорившего о «культуре» строителей, Эллис и Кафф использовали другую хорошо известную антропологическую метафору, предложив смотреть на архитекторов как на «племя», «воображающее себе идеальные миры зданий, в которых мы живем или могли жить» [Ellis, Cuff, 1989, p. 13]. Кафф впоследствии стала автором известной монографии, посвященной этнографическому описанию архитектурно-проектировочной отрасли, в частности, останавливалась на социальных проблемах проектирования и особой способности архитекторов к компромиссу [Cuff, 1991].

Введенный мной термин «созидательный конфликт» в данном тексте будет служить одной из основных метафор. Это дискоммуникация, которая является естественной. Конфликт, который в процессе взаимодействия различных точек зрения разрешается в положительный результат.

Акцент на «открытии» закрытого для посторонних трудного поля и повышенное внимание на способностях представителей индустрии к продуктивному коллективному сотворчеству – центральные темы и других известных книг в этой области [Yaneva, 2009; Thiel, 2012; Yarrow, 2019]. Совершенно естественно, что авторы этих книг любят свое малоизвестное поле и предпочитают обращать внимание на наиболее светлые стороны профессиональной реальности. «Созидательный конфликт» воспринимается ими как естественная часть работы,

---

Цитирование: Ротбергер В. Д. (2024) «Созидательный конфликт» или «подвешенность»: темная сторона профессиональной дискоммуникации в архитектурно-строительной деятельности // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 54–63. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202454-63>

которая обычно заканчивается профессиональным триумфом. Но чего не позволяет увидеть такая оптика? Всегда ли профессиональная коммуникация «полезна»? Можно ли усомниться в характерном для антропологии профессий пафосе преодолевающего конфликта «созидательного сотворчества»?

Темная сторона профессиональной коммуникации

Даже в повседневной жизни, общаясь с людьми, мы можем их не понимать. Каждый человек уникален и мыслит по-своему, приходится долго приравниваться друг к другу или отыскивать общие интересы, проявляя немало вежливости и такта. Не будем лукавить: то, что справедливо для повседневности, справедливо и для профессиональной сферы. Недопонимание является ключевым процессом взаимодействия внутри каждой профессиональной структуры. Выше я упоминал о свойственном для этнографических описаний профессиональной сферы пафосе «созидательного конфликта». Но всегда ли этот конфликт «конструктивен», всегда ли эта диалектика противоположностей разрешается в созидательном синтезе?

Дискоммуникация – это предмет продолжительных дискуссий в социолингвистике. Пионерным трудом в этой области стал сборник под редакцией Николаса Коупленда, Говарда Джайлса и Джона Виманна [Coupland, Giles and Wiemann, 1991]. Издатели тома призывали отказаться от упрощенного восприятия дискоммуникации как «пошедшей не по правилам» или «неумелой» коммуникации, обращая внимание на то, что факт дискоммуникации всякий раз ставит перед наблюдателем вопросы о ее причинах и часто скрывает за собой особые стратегии влияния одного собеседника на другого [Coupland, Giles and Wiemann, 1991, p. 2]. Поэтому дискоммуникация – это «проблемный» (*problematic*) термин, всякий раз требующий описания социального контекста, в котором происходит. О проблемности дискоммуникации писали и другие авторы, например Пер Лайнел [Linell, 1995].

Меня интересует в первую очередь дискоммуникация в профессиональной сфере. В этом смысле важны работы Марии Стаббе, которая обсуждала разнообразие взглядов на дискоммуникацию в профессиональной сфере в сборнике под редакцией Бернадетт Вайн [Stubbe, 2018]. По ее мнению, профессиональная дискоммуникация дорого стоит, поскольку «...на любом рабочем месте даже незначительное недоразумение неизбежно сопряжено с определенными издержками». Она считала, что чаще всего дискоммуникация описывается упрощенно, как неспособность донести определенное сообщение [Stubbe, 2018, p. 258]. Описывая разнообразие исследовательских подходов к профессиональной дискоммуникации, Стаббе замечала, что, хотя ключом к пониманию причин дискоммуникации может быть этнографическое «насы-

щенное описание» дискоммуникативных взаимодействий и контекстов [Stubbe, 2018, p. 262], немногие из практически вовлеченных в эти процессы людей могут позволить себе глубокое изучение хотя бы одного небольшого «среза» дискоммуникативной ситуации [Stubbe, 2018, p. 263]. Чтобы помочь практикам, решающим такие проблемы, Стаббе разработала рабочую модель анализа дискоммуникативных ситуаций, построенную на большом количестве наблюдений и этнографических данных [Stubbe, 2010]. Такая рабочая модель предполагает признание проблемы рабочей дискоммуникации, описание ее контекста и значения, выбор подходящих коммуникативных стратегий для решения этих проблем в динамической среде продолжающегося взаимодействия [Stubbe, 2018, p. 267].

Пример практического применения этого метода – это кейсы, рассматриваемые в работе «Власть и вежливость на рабочем месте» [Holmes, Stubbe, 2015], написанной Стаббе в соавторстве с Джанет Холмс. Эти авторы называют три фактора, порождающие проблемы в профессиональном общении, – власть, вежливость и контекст. Речь идет о том, 1) на каких позициях находятся участники общения, 2) в каком стиле общаются между собой, 3) в зависимости от каких «запускающих» факторов начинается конфликт. С этой точки зрения дискоммуникация выступает «естественным» продуктом сложности, неизбежным следствием и важной составляющей богатства и эффективности человеческого взаимодействия. Люди создают и умело используют сложные хитросплетения власти и вежливости, чтобы решать дискоммуникативные ситуации, возникающие в работе.

Современного подхода к дискоммуникации придерживаются и авторы статьи «Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты» [Волкова, Панченко, Пригарина, 2023]. «Они рассматривают коммуникацию и дискоммуникацию не как противопоставленные друг другу отдельные категории, а как цельный конструкт, внутри которого сосуществуют различные ипостаси одного и того же явления – собственно коммуникации...» [Волкова, Панченко, Пригарина, 2023, с. 140].

Второй главной метафорой данного текста будет «темная сторона профессиональной дискоммуникации». В предыдущем разделе была обозначена метафора естественного недопонимания, которая приводит к положительному результату, – это созидательный конфликт. В своей сути это светлая сторона. Темная сторона дискоммуникации – это серьезные проблемы, которые затрудняют либо уничтожают возможные варианты решения конфликтов. Это может быть потеря личного общения между людьми, финансовый ущерб, просрочка временных задач, денежные штрафы, увольнения и иные проблемы, которые скажутся на профессиональной активности. В данном случае недопонимание усугубляет созидание и оставляет только конфликт.

Итак, с точки зрения коллег-социолингвистов, дискоммуникация в профессиональной сфере опи-

сывается как проблемный, то есть обладающий сложным, зависящим от контекста смыслом и содержанием, процесс. Несмотря на то что дискommуникация в профессиональной сфере может быть опасной и иметь темную сторону, у практиков, вовлеченных в решение повседневных задач, зачастую нет ресурсов, чтобы разбираться в ее причинах. Ключом к созданию работающих методов решения опасной дискommуникации является «насыщенное описание» дискommуникативных ситуаций. Именно поэтому этот текст посвящен неудобной стороне профессиональной дискommуникации, мелочам, влекущим за собой проблемы.

Методы

Исследовательский метод микроанализа рабочих взаимодействий, используемый Стаббе, как и перечисленные ниже примеры исследований моих коллег из антропологии профессий, в своих истоках восходит к этнометодологической традиции [Гарфинкель, 2007]. Моя позиция включенного наблюдателя за рабочими процессами «машины» архитектурно-строительной индустрии позволяет мне выявить механизмы повседневного профессионального взаимодействия, дает возможность описать «внутреннюю кухню» архитектурной профессии и подвергнуть ее антропологическому анализу.

Как было сказано выше, мои предшественники, исследователи, работавшие в области антропологии строительной и архитектурной профессии, осуществлявшие включенное наблюдение на уровне микроанализа рабочих взаимодействий, предпочитали видеть в нем позитивные аспекты «коллективного сотворчества».

Герберт Эппельбаум, описывая обычный день строителей, в ходе которого осуществлялся процесс хорошо скоординированной заливки тысячи ярдов бетона, акцентировал внимание на рабочем напряжении, царившем в команде, и на последующем успешном разрешении этого напряжения, на удовлетворенности и гордости команды своими творческими результатами [Applebaum, 1981, p. 1–12].

Описывая отношения архитектора с клиентом, Дана Кафф в духе этнометодологической традиции обращала внимание на дискурсивные тонкости этого взаимодействия, отмечая, что обсуждения будущего проекта, в ходе которых архитектор, демонстрируя собственные компетенции, убеждает заказчика в своем видении, являются «импровизацией, чем-то вроде джаза» [Cuff, 1991, p. 185].

Синтез социолингвистического и антропологического подхода демонстрировал Кит Мерфи, исследовавший процессы обсуждения проектов в американском архитектурном бюро. «Вставные сценки» (*embedded skits*) Мерфи – это описания характерных для моей профессии рабочих моментов, в ходе которых взвешиваются все за и против любого архитектурного решения, демонстрируются потенциальные последствия тех или иных решений,

набрасываются эскизы, задаются уточняющие вопросы и т.д. [Murphy, 2011, p. 243–253].

Для моей работы важен подход Тревор Маршана, антрополога, известного исследованиями традиционного строительства и ремесла. Как и Мерфи, писавший о соединении в архитектурном сотворчестве телесной и дискурсивной составляющей, Маршан прибегал к лингвистическим метафорам, когда говорил об «общих высказываниях» (*shared utterances*) и «общих действиях» ремесленников, обучающих друг друга мастерству, при которых обе стороны как бы достраивают общий контекст, состоящий не только из общего вокабуляра, но и из общей материальности. Одна только речь (или текст, дискурс) не способна описать всю глубину ремесленного знания, поэтому ремесленник, объясняя ученику последовательность необходимых операций, соединяет речь с действием [Marchand, 2010].

Практиками коллективного творческого взаимодействия занималась и Альбена Янева в своем исследовании архитектурного бюро ОМА в Роттердаме [Yaneva, 2009]. Описывая внутреннюю материальность бюро, от входной двери до макетов архитектурных объектов, Янева замечала, как эта материальность в конечном счете определяет практики общения архитектурных специалистов. Особый интерес представляет ее анализ архитектурного макетирования, принятый в ОМА [Yaneva, 2009, p. 47]. Один из разделов книги Томаса Ярроу посвящен характерному для архитекторов «мышлению рисунками» [Yarrow, 2019, p. 136]. Порой трудно донести до коллег, что ты имеешь в виду, словами. Приходится объяснять при помощи рисунков.

В поле моего исследования входило два места, которые постоянно взаимодействуют: архитектурное бюро «А» и стройка будущего здания. Архитектурное бюро – это место, где я работаю архитектором и курирую один из реализуемых объектов. Второе место – это строительная площадка проекта, которая попала под мой авторский надзор. Говоря профессиональным сленгом, «веду этот проект».

Помимо этнометодологического подхода, описанного выше, я активно использовал метод включенного наблюдения. Я был постоянным участником сложных процессов. Метод моего исследования заключался в постоянной коммуникации с коллегами по офису и стройке. Основное внимание уделялось строительной площадке. Осуществляя авторский надзор, я взаимодействовал с рабочими. Коммуникация осуществлялась как при личном общении, так и посредством телефонной связи и электронной переписки. Все наблюдения систематически фиксировались в полевом дневнике, где помимо описания конкретных ситуаций содержались профессиональные рефлексии и личные комментарии. Документальной основой исследования служила обширная фотофиксация обсуждаемых технических вопросов и принятых решений. Еще одним источником дан-

ных выступали материалы деловой переписки, из которой извлекались значимые цитаты с соответствующими временными маркерами.

Все рабочие коммуникации, происходившие в пространстве проектного офиса, находили отражение в полевом дневнике исследования. Для углубленного понимания ситуации были проведены серии интервью с представителями архитектурного бюро «А» и участниками строительного процесса. Собранный материал позволил точнее определить проблемное поле исследования и сформулировать его ключевые аспекты.

В отличие от предшествующих авторов, мое исследование призвано обратить внимание на «непродуктивную» сторону коллективности принятия решений в архитектурно-строительной деятельности, сконцентрироваться на этнографическом описании наблюдаемых в моей практике эффектах коммуникации, которым редко уделяется внимание в антропологии профессий. Я бы хотел описать на полевом материале стандартную ситуацию возникновения дискоммуникации, а также ее причины с точки зрения вовлеченных сторон – архитектора и строителя. В этом тексте я говорю прежде всего о том, что видит архитектор. Мне бы хотелось обратить особое внимание на эмоционально-вовлеченную сторону ситуации дискоммуникации, описать характерный момент «подвешенности», в котором часто оказывается архитектор.

Осмотр МОСКУР

Рассмотрим пример коммуникации, с которым я столкнулся, осуществляя один из проектов архитектурного бюро «А». В данном случае ради достижения нужного результата понадобился продолжительный диалог, постоянно прерывавшийся ситуациями дискоммуникации. Все полевые материалы были собраны мной в течение 2024 года в ходе осуществления авторского надзора на одной из строек г. Тюмени; речь информантов, в том числе и мои собственные реплики, подававшиеся в ходе этой коммуникации или записывавшиеся в полевой дневник, цитируются по записям интервью и тексту полевого дневника [ПМА – полевые материалы автора], выделены курсивом.

МОСКУР (ниже в тексте – мокап) – полноразмерный макет фрагмента будущего здания, созданный из тех же самых материалов, которые были прописаны в проекте. Здания проектируются на компьютере, однако «понять» материальность можно только вживую. В виртуальном мире архитектор не может потрогать материал, вполне осознать его свойства и поведение. Поэтому нужны эксперименты, позволяющие увидеть, каким может оказаться конечный результат стройки. Для этого приходится монтировать мокап – сложный и уникальный архитектурный элемент, позволяющий избежать ошибок и реализовать задуманное так, как нужно: красиво, практично и безопасно.

Архитектурное бюро сформировало задание для подрядной организации, которая занимается фасадами: сделайте мокап элемента. Бюро выдало подрядчику чертеж с указанными на нем узловыми соединениями, прописало материал, из которого нужно было изготовить изделие, его цвет и размеры. В основе мокапа фасадного элемента (цитируем вышеупомянутое задание) – ПВХ (просечно-вытяжной лист) ярко-желтого цвета с угловой рамкой по периметру кассеты.

При личной встрече архитектора с подрядчиком была определена конкретная модель ПВХ, уточнены размеры, показаны аналоги, казалось бы, учтены все ключевые моменты, относящиеся к тому, как должен выглядеть итоговый результат. Представители подрядной организации со всем согласились, сказали «мы попробуем», и стороны разошлись по своим делам. Так был запущен процесс творения.

Мокап №1. Был сделан образец и состоялась общая встреча на строительной площадке. В ней участвовали подрядная организация, начальник стройки и представители архитектурного бюро – ГИП (главный инженер проекта) и архитектор. Представители подрядной организации рассказывали, что у них получилось. Архитектор, то есть я, слушал и делал фотофиксацию образца. Зафиксировав все замечания, я дал свой краткий комментарий по поводу увиденного: цвет мокапа не соответствует заданию, модель ПВХ не та, уголок рамки по периметру ПВХ сориентирован не на ту сторону, образец в целом выполнен криво и косо. Строители, конечно, возмутились, они, очевидно, были довольны своим результатом. Но для меня он не соответствовал архитектурной концепции. Их аргументы были абсолютно противоположными: *«В цвет попали, модель ПВХ чуть не та, поправим. Уголок повернем как надо. Кривовато, да, исправим»* [ПМА]. Однако с моей точки зрения, как архитектора, все выглядело ужасно, аргументы строителей никак не сглаживали впечатления от результата их работы. Мокап категорически не соответствовал проекту.

Если говорить о собственных чувствах, то данный образец, конечно, поверг меня в шок. Когда идешь на стройку, хочешь увидеть качественную и крутую работу, сделанную руками (опытными руками), так же кропотливо, как ты (архитектор) проектировал на компьютере, вкладывая все свои творческие и технические ресурсы в данный проект и в каждый архитектурный элемент. Увидев данный мокап, я расстроился. На стене висел не мокап, о котором все (идейные вдохновители объекта) мечтали, а дешевый, колхозный вариант, который никак не соответствовал тому, что надо.

Лично меня это событие напугало, ведь фасадный элемент представляет один из ключевых акцентов здания и безумно важен для данной архитектуры. А если они не смогут сделать ПВХ-кассету

Как пришли к созданию mock-up

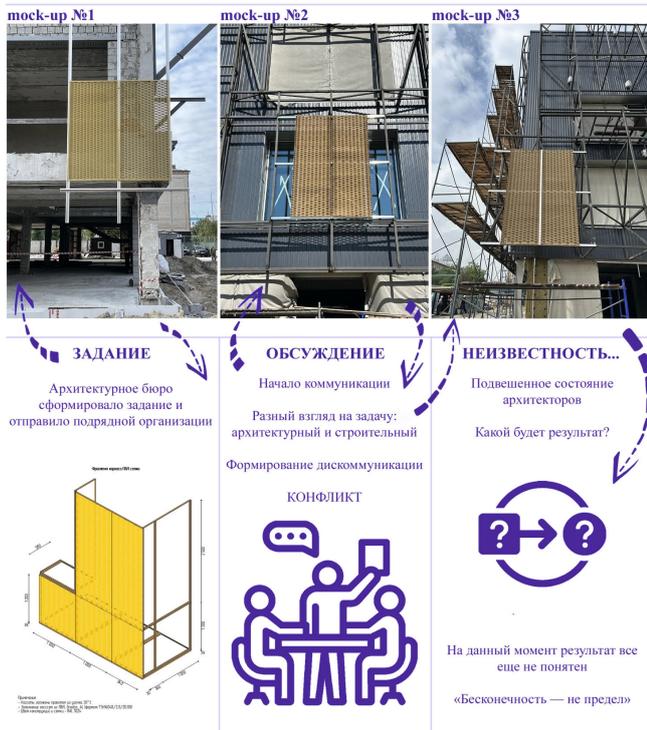

Рис. 1. Как происходил осмотр мокапа

Источник: полевые материалы автора.

«правильно»? По итогу получится тяп-ляп. Проект будет провален? Придется снова говорить всем «Задумка была классная, виноваты строители!» [ПМА; полевой дневник].

После похода на строительную площадку архитектор пообщался с главным архитектором проекта (ГАПом). Последний был возмущен результатом. Было принято решение, что архитектурное бюро «А» сформирует «акт осмотра мокапа» в виде чертежа и текстового описания для подрядной организации, указав в нем, что в реализованном образце не соответствует заданию. Фактически этот акт осмотра стал приговором мокапу №1, полным провалом макета.

Забегая вперед, стоит сказать, что сразу же начал проектироваться мокап №2. В промежутке между первым и вторым образцами мы обсуждали проект между собой и с нашими контрагентами. Задавались вопросы от подрядной организации, а бюро, соответственно, давало ответы. Обычно строители реагировали формально: «мы попробуем».

Мокап №2. Еще один выход на строительную площадку. Встреча на объекте на этот раз была скромной, в ней участвовали только архитектор

и начальник стройки. Посмотрели на образец, архитектор сфотографировал его с разных ракурсов. Далее начальник стройки рассказал об успехах и неудачах этого варианта: «Короче, б... (цензурное слово), в прошлый раз с главным архитектором и с тобой обсуждали расположение рамки. Сделать торец уголка на улицу. Но вот посередине двух кассет осталось пространство, как старались, придумывали, вот что получилось. Согласуй с главным архитектором. Если ок, то будем делать. (Если) нет, ну... будем думать» [ПМА].

После встречи я сделал следующую запись в полевом дневнике:

Второй вариант также не соответствовал тому, что было задумано. Снова сплошные косяки со стороны подрядчика. И почему подрядчиков не было на стройплощадке? Почему про их работу рассказывал начальник стройки?

Сложилось впечатление, что подрядная организация просто испугалась приходить на встречу. Повесили макет, отписались начальнику стройки: «Пусть идут смотреть». Правда, странно... А как же диалог и движение к общему результату? Наверное, они подумали, что получилось классно. Видимо, они дали свои пояснения начальнику стройки. Вот он и взял дело в свои руки. Объяснил, что и как. От себя скажу: мокап №2 выглядел также неудовлетворительно, как и первый вариант. Зато уголок рамки занял правильную ориентацию. Но даже этот плюс не мог скрасить всю картину [ПМА: полевой дневник].

Собрав информацию на строительной площадке по мокапу, я с некоторым испугом отправился в офис, чтобы дать обратную связь ГАПу. На вопрос, что будем делать дальше, главный архитектор ответил: «Пока оставь, я сам им позвоню...»

Снова забежим вперед, опишу то, что произошло между мокапами №2 и №3. При очередном посещении строительной площадки по другим вопросам удалось пообщаться с одним из подрядчиков. До этого я вообще не был в курсе того, на какой стадии находится процесс изготовления мокапа. Задал вопрос подрядчику: «Вы общались с ГАПом, что-то решили?» Он ответил мне: «Да общались, он позвонил, общался матами. Высказался, что не так. Я не знаю, ощущение, что ГАП враждебно настроен против нас» [ПМА].

Мокап №3. Звонок со стройки, сообщили о готовности новой версии. Я пошел на объект, чтобы посмотреть третий образец. На встрече снова были я как архитектор и начальник стройки. Все по уже привычному сценарию. Начальник стройки рассказал про образец. Я сделал фотофиксацию и обсудил мокап с начальником стройки. На самом деле уже был виден другой подход, что-то стало получаться. Геометрия вышла более правильной, все элементы имели нужную ориентацию. После выхода на строи-

тельную площадку вернулся в офис, созвонился с ГАПом. Он сказал: «Ужас. Лист ПВХ кривой, волнами, остальное вроде ок, я позвоню им» [ПМА]. По итогу я сделал следующую запись в полевом дневнике:

Третий поход на строительную площадку был максимально волнительным для меня. Ну наконец-то сделали? Или все так же плохо? По своим личным ощущениям, мокап №3 был гораздо лучше предыдущих. Я даже залез на строительные леса, чтобы максимально близко все рассмотреть. Вопросы остались, конечно, этот вариант тоже нельзя будет реализовывать в финальной облицовке фасадов здания. Но! Появилась надежда: неужели они приноровились? Интересно, а они чувствуют, что результат становится лучше? [ПМА: полевой дневник]

На этом этапе мне как архитектору захотелось изобразить процесс в виде картинки, чтобы ты, читатель, смог увидеть и «главного героя», и последовательность основных событий истории (рис. 1).

На момент написания этих строк нужный образец все еще не изготовлен, результат пока не достигнут. Будет ли четвертый мокап? Пятый? И т. д. Получится ли в общении архитекторов и подрядной организации прийти к нужному результату?

Почему это происходит?

Теперь попробуем посмотреть на описанный процесс с внешней, невовлеченной стороны. Почему случилась дискоммуникация? Почему так сложно достигнуть нужного результата? Наметим несколько факторов, которые явно повлияли на возникновение этой ситуации.

Разница стандартных профессиональных сценариев. Вернемся к работам Альбены Яневой [Yaneva, 2009] и Томаса Ярроу [Yarrow, 2019] и обратим внимание на то, как они описывают ситуацию рабочего общения архитекторов. Архитектор мыслит образом и идеей: в центре внимания Яневой непрерывный процесс изготовления архитектурных макетов из всего, что попадает под руку в бюро ОМА. В фокусе Томаса Яроу общение архитекторов завязано на рисунках и эскизах. Таким образом, в процессе обсуждения эскиза с коллегами вокруг архитектора, оперирующего макетами и эскизами, формируется уникальная профессиональная атмосфера [Stenslund, 2023]. В ходе долгих и муторных процессов рождается настоящая идея. Архитектор воспринимает весь проект как свое детище, которое должно получиться идеально красивым и практичным на уровне каждой своей детали.

Если мы вновь обратимся к выводам Герберта Эппельбаума [Applebaum, 1981] и Тревора Марша на [Marchand, 2010], то поймем, что для работы строителей характерен иной подход – сочетание ручного труда и обучения на опыте. Строители объясняют друг другу, что нужно делать, показыва-

ют на опыте, берут и делают руками; если не знают, как что-то сделать, то экспериментируют. Этот процесс также описывает исследование Дарена Тилля [Thiel, 2012], в котором рассказывается о том, как молодые парни, попавшие на строительную площадку за счет слабых связей [Грановеттер, 2009], пытаются «научиться работать». Именно так, без лишних слов, в процессе опытного обучения формируется «культура строителей» [Applebaum, 1981].

Итак, архитектор и строитель работают по-разному. Типичный сценарий первого – выразить и максимально точно описать на уровне проекта архитектурную идею; типичный сценарий второго – воплотить проект в материальности при помощи ручного труда, не слишком прибегая к словесным описаниям, ориентируясь прежде всего на опыт и эксперимент. Различие этих сценариев может стать одним из поводов для дискоммуникации. Не зря в профессиональном обиходе существует крылатая фраза «архитектор – враг инженера», и наоборот.

Разные приоритеты сторон, заданные заказчиком. То, что «офис» и «стройка» имеют разные приоритеты в своей деятельности, показало интервью с ГИПом. «Каждый тянет одеяло на себя», – ответил главный инженер на мой вопрос о том, почему между двумя этими сторонами возникают вечные проблемы. Согласно моему собеседнику, инвесторы проекта как будто бы дают обеим сторонам разные задания. Сначала заказчик приходит в архитектурное бюро и говорит: «Я хочу построить здание, надо заняться его проектированием. Сделайте мне современную архитектуру, я хочу, чтобы было красиво». Созданный архитекторами проект получается уникальным, идейным, красочным, с дорогими материалами и т. д. Заказчик в восторге, но, когда настает время материальных инвестиций в строительство, он говорит подрядной организации (той самой, которая задействована в создании мокапов): «Сделайте мне быстро, четко и дешево». Таким образом, еще до того, как архитекторы и подрядчики по фасадам встретились непосредственно, готовится почва для дискоммуникации – воплощение качественного архитектурного проекта в жизнь должно быть произведено быстро и дешево.

Конфликт между качественной архитектурой и попытками сэкономить на ее воплощении в реальность – известный факт в сфере архитектуры и строительства. За этим не всегда скрывается какой-то злой умысел. Заказчик, возможно, осуществляет такой проект впервые и не знает, как правильно поступить. Он заранее рассчитал свой бюджет и план инвестиций и действовал по-своему логично. Зданию в центре города нужен уникальный проект – это великолепно, и он готов заплатить за это деньги. Однако на этапе строительства все оказывается гораздо затратнее. Все то, что нарисовали и описали в своем проекте архитекторы, имеет свою высокую цену. С точки зрения архитекторов, отстаивающих высокие профессиональные стандарты (красота,

качественные материалы и т.д.), утвержденный проект должен быть воплощен так, как это было задумано, а затраты на материал – не повод для экономии. Строители, которым приходится воплощать это в жизнь, оказываются в максимально неудобной ситуации: у них есть ограниченный бюджет, в который они обязаны уложиться. Еще один повод для конфликта.

Традиция профессионального конфликта. Третий фактор дискommunikации между стройкой и офисом – порожденное указанными выше факторами и существующее испокон веку профессиональное конфликтное разделение на людей «офиса» и людей «стройки». В определенном смысле архитектор и строитель представляют противоположные друг другу «миры». В профессиональном общении обычны такие высказывания, как: *«Да что они там нарисовали, как мне это монтировать?»* или *«Это строители виноваты в том, что объект не получился таким, как задумывалось»* [ПМА]. Характерные для обеих сторон язык, инструменты, условия труда, профессиональные ценности, атмосфера, опыт и экономические мотивации часто вступают в противоречие, формируют почву для возникновения дискommunikации.

«Созидательный конфликт» и «подвешенность»

Приведенный выше пример свидетельствует о том, что картина «созидательного конфликта», которую рисуют представители антропологии профессий, не описывает всего многообразия возможных ситуаций, возникающих при взаимодействии между «офисом» и «стройкой». Не все конфликты могут быть решены положительно.

Как минимум, я хочу обратить внимание на свои эмоциональные переживания как архитектора, будучи задействованным в коммуникации со строителями. Незавершенная операция воспринимается изнутри процесса как огромная проблема, потенциально влекущая за собой серьезные затруднения. Под вопросом оказываются не только время, деньги и материалы, но и личные отношения с коллегами – человеческие и профессиональные.

«Из-за того, что у подрядной организации ничего не получилось, сложилось полное ощущение, что они делают “на отвязи”. ГАП “сорвался” и высказался в их адрес негативно, что повлекло за собой максимально отрицательный настрой с его стороны, на что они ответили тем же» [ПМА: полевой дневник]. В день передачи статьи в печать я был в неведении, будет ли еще попытка мокапа? Что будет дальше?

Все вышесказанное – повод для того, чтобы усомниться в пафосе «созидательного конфликта»: творческое преодоление противоречий в сотворчестве работает отнюдь не всегда. Мы сталкиваемся с непродуктивной дискommunikацией, темной стороной нашей профессии – затяжным конфликтом, который

имеет характер клинча, замедления с неопределенным результатом. Каким он будет?

К описанным выше факторам формирования дискommunikации стоит добавить исследовавшуюся коллегами-социолингвистами [Stubbe, 2018] ситуацию разницы статусов. На стройке главным является строитель. В офисном пространстве – архитектор. Внутри каждого из этих профессиональных пространств – и на строительной площадке, и в уютном помещении архитектурного бюро – тоже существует четкая иерархия, в которой автор занимает совершенно определенное и отнюдь не самое главное место.

Позитивная «антропология профессий» в духе Эппельбаума и Кафф не упоминает о чувстве «подвешенности», которое ощущаешь, попав в такую ситуацию. Являясь наемным работником и не занимая в силу моего опыта и квалификации руководящей должности, я не могу принимать окончательные решения по проекту и по его итоговой реализации. Как сказал мой руководитель: *«Я – это руки, которыми он будет правильно управлять»* [ПМА]. Мне хочется себя убеждать, что я сделал все, что было в моих силах. *Представьте, что было бы, если бы на первой стадии, в ситуации с мокапом №1, я, будучи неопытным специалистом, принял бы эту работу, сказал бы, что образец соответствует проекту? Если бы ГАП узнал об этом, меня бы ждало увольнение* [ПМА: полевой дневник]. Я оказался в ситуации «подвешенности», то есть эмоционального переживания незавершенности проекта и неясных перспектив этой незавершенности. Она сформировалась в этих разных профессиональных сценариях и экономических мотивациях сторон, существующих в отрасли культуры профессионального конфликта.

Заключение

Мне бы хотелось завершить статью, посвященную профессиональной дискommunikации «офиса» и «стройки», еще одним кейсом. Это достаточно забавная история, которую можно назвать анекдотом. Я записал ее, когда проводил включенное наблюдение на строительной площадке.

Рабочие льют бетон. Смотрят чертежи. В разрезе (проекция, которая рассекает здание вертикальной плоскостью в определенном месте, где видны попадающие в сечение элементы) указана одиннадцатая арматура, а в спецификации – шестнадцатая (выбор арматуры влияет на несколько факторов: несущая способность, монтаж и экономика конструкции). Они идут с этим вопросом к начальнику стройки, он также озадачился. Начальник стройки звонит ГИПу (человеку из офиса). Главный инженер проекта отвечает, что все проверит и даст ответ завтра.

Следующее утро. ГИП звонит начальнику стройки о том, что арматура одиннадцатая, а в спецификации ошибка. Начальник стройки двигается по строительной площадке в сторону рабочих, ко-

торы должны лить бетон, приходит на нужное место и видит, что бетон уже залит, стены стоят. Шок! Что вы сделали? Зачем залили? Какую арматуру поставили? Они ответили, что одиннадцатую.

Удача или опыт? Когда я слушал эту историю, меня настиг истерический смех и профессиональный ужас [ПМА: полевой дневник].

Смех, о котором я писал в дневнике, вызывал тот факт, что, несмотря на профессиональную субординацию, рабочие по непонятной причине взяли инициативу в свои руки. Ужас, охвативший меня, был связан с потенциальной немалой ценой, которую пришлось бы заплатить всем участникам процесса в случае, если бы пришлось ломать конструкции, в основе которых оказалась неправильная арматура. Как можно было поступить так самоуверенно? В этом случае, в отличие от ситуации «созидательно-го конфликта», в ходе которой стороны, имеющие разные точки зрения, достигают диалектического синтеза и триумфально создают нечто новое, мы видим дискоммуникацию, которая повлекла за собой принятие одностороннего решения, сопряженного с большим риском. Это не «подвешенность» специалиста, не понимающего, как в итоге сложатся обстоятельства, но другая, не менее эмоционально нагруженная разновидность последствий профессиональной дискоммуникации. Удача, чуйка или опыт строителей, принявших это решение, в конечном итоге уберегли участников истории от серьезных последствий. Однако, будучи профессионалом, можно только представить, что подумал начальник стройки, увидевший наутро готовую стену, и что сказал в сердцах ГИП, когда узнал об этом от начальника стройки. Такое переживание «приземления» после рискованного прыжка над пропастью, наверное, не менее типично для нашей индустрии, чем описанная выше «подвешенность». Весь этот эмоциональный фон темной стороны профессиональной дискоммуникации остается за кадром повествований о «созидательном конфликте».

Источники

- Волкова Я., Панченко Н., Пригарина Н. (2023) Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Т. 22. № 1. С. 138–150.
- Гарфинкель Г. (2007) Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер.
- Грановеттер М. (2009) Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Applebaum H.A. (1981) Royal Blue: The Culture of Construction Workers. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston.
- Cuff D. (1992) Architecture: The Story of Practice. Cambridge: MIT Press.
- Ellis R., Cuff D. (1989) Architects' people. N.Y.: Oxford University Press.
- Holmes J., Stubbe M. (2015) Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work. L., N.Y.: Routledge.

- Language in Society. "Miscommunication" and Problematic Talk (1991) / Ed. by N. Coupland, N. Giles, J. Wiemann. Newbury Park, CA: Sage.
- Lineell P. (1995) Troubles with Mutualities: A Dialogical Theory of Misunderstanding and Miscommunication // Mutualities in Dialogue / Ed. by I. Marková et al. Cambridge: Cambridge University Press. P. 176–213.
- Marchand T.H.J. (2010). Making Knowledge: Explorations of the Indissoluble Relation Between Minds, Bodies, and Environment // Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 16. № 1. P. S1–S21. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2010.01607.x>.
- Murphy K. (2011) Building Stories: The Embodied Narration of What Might Come to Pass // Embodied Interaction: Language and Body in the Material World / Ed. by J. Streek J. et al. Cambridge, New York: Cambridge University Press. P. 243–253.
- Stenslund A. (2023) Atmosphere in Urban Design: A Workplace Ethnography of an Architecture Practice. N.Y., L.: Routledge.
- Stubbe M. (2010) 'Was That My Misunderstanding?' Managing Miscommunication and Problematic Talk at Work. PhD diss., Victoria University of Wellington.
- Stubbe M. (2018) Miscommunication at Work // The Routledge Handbook of Language in the Workplace / Ed. by B. Vine. L., N.Y.: Routledge. P. 258–271.
- Thiel D. (2012) Builders. Class, Gender and Ethnicity in the Construction Industry. L., N.Y.: Routledge.
- Yaneva A. (2009) Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design. Rotterdam: 010 Publishers.
- Yarrow T. (2019) Architects. Portraits of a Practice. N.Y.: Cornell University Press.

**“CREATIVE CONFLICT” OR “SUSPENDED”:
THE DARK SIDE OF PROFESSIONAL
MISCOMMUNICATION IN ARCHITECTURAL
AND CONSTRUCTION ACTIVITIES**

Vladimir D. Rotberger, architect, student, Master’s Program in Conceptual Urban Studies, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (UTMN); 6 Volodarskogo Street, Tyumen 625003, Russian Federation.
E-mail: captainvova@inbox.ru

This article is devoted to the autoethnographic study of professional miscommunication in architectural and construction activities. The material was collected during the architectural supervision at one construction site in the city of Tyumen. Using the construction of a mockup, a full-size layout of one building fragment, failures in professional communication between architects and builders which formed barriers to achieving the desired result are discussed. Describing the history of a complex professional process, the author rethinks the plot of conflict-overcoming “creative co-creation” characteristic of the anthropology of the architectural and construction professions, and focuses on the dark side of professional miscommunication.

Keywords: discommunication; miscommunication; misunderstanding; architect; builder; project; mockup; anthropology

Citation: Rotberger V.D. (2024) “Creative Conflict” or “Suspended”: The Dark Side of Professional Miscommunication in Architectural and Construction Activities. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4,

pp. 54-63. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202454-63> (in Russian)

References

- Applebaum H.A. (1981) *Royal Blue: The Culture of Construction Workers*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Cuff D. (1992) *Architecture: The Story of Practice*. Cambridge: MIT Press.
- Ellis R., Cuff D. (1989) *Architects’ People*. New York: Oxford University Press.
- Garfinkel’ G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Granovetter M. (2009) *Sila slabykh svyazei* [The Strength of Weak Ties]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 4, pp. 31-50. (in Russian)
- Holmes J., Stubbe M. (2015) *Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work*. London, New York: Routledge.
- Language in Society. “Miscommunication” and Problematic Talk (1991)/Ed. by N. Coupland, N. Giles, J. Wiemann. Newbury Park, CA: Sage.
- Linell P. (1995) *Troubles with Mutualities: A Dialogical Theory of Misunderstanding and Miscommunication*. *Mutualities in Dialogue*/Ed. by I. Marková et al. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 176-213.
- Marchand T.H.J. (2010) *Making Knowledge: Explorations of the Indissoluble Relation Between Minds, Bodies, and Environment*. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 16, no 1, pp. S1-S21. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2010.01607.x>
- Murphy K. (2011) *Building Stories: The Embodied Narration of What Might Come to Pass*. *Embodied Interaction: Language and Body in the Material World*/Ed. by J. Streek et al. Cambridge, New York: Cambridge University Press, pp. 243-253.
- Stenslund A. (2023) *Atmosphere in Urban Design: A Workplace Ethnography of an Architecture Practice*. New York, London: Routledge.
- Stubbe M. (2010) ‘Was That My Misunderstanding?’ *Managing Miscommunication and Problematic Talk at Work*. PhD dissertation. Victoria University of Wellington.
- Stubbe M. (2018) *Miscommunication at Work*. *The Routledge Handbook of Language in the Workplace*/Ed. by B. Vine. London, New York: Routledge, pp. 258-271.
- Thiel D. (2012) *Builders. Class, Gender and Ethnicity in the Construction Industry*. London, New York: Routledge.
- Volkova Ya., Panchenko N., Prigarina N. (2023) *Diskommunikatsiya: mezkul’turnyi, diskursivnyi i lingvoekologicheskii aspekty* [Miscommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*, vol. 22, no 1, pp. 138-150. (in Russian)
- Yaneva A. (2009) *Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design*. Rotterdam: 010 Publishers.
- Yarrow T. (2019) *Architects: Portraits of a Practice*. New York: Cornell University Press.